
Е.А. Мельникова

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ*

Ориентация пространства в ранних культурах народов Евразии по странам света принадлежит к числу фундаментальных, но, как правило, не подвергаемых специальному осмыслению основ мировосприятия¹. Заложенные в глубинах сознания, представления об организации пространства поэтому крайне редко находят эксплицитное выражение в письменных текстах античности и средневековья. Они лишь косвенно отражались в письменных памятниках, прежде всего, в указаниях направлений (север, юг, запад, восток), в членении пространства (например, северная, южная, западная и восточная четверти в древнескандинавской ориентационной системе)², в пространственном соотношении местоположения географических объектов (один объект считается расположенным севернее или южнее, западнее или восточнее другого) и др. Именно таким способом принципы ориентации пространства отображены и в древнейших русских летописных сводах — они могут быть восстановлены лишь на основе немногочисленных упоминаний терминов, обозначающих страны света, и производных от них.

«Пространственно-ориентационная» терминология ПВЛ включает наименования четырех стран света, два из которых дублируются: *въстокъ, угъ/полуденье, западь* и *северь/полунощье*³. Все они при-

* Статья написана в рамках работы над проектом «Геополитические факторы в историческом развитии Древнерусского государства» по программе фундаментальных исследований Президиума РАН 2009–2011 гг. «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Сердечно благодарю А.В. Подосинова и Л.С. Чекина за полезные замечания и уточнения.

¹ *Подосинов А.В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1995.

² *Джаксон Т.Н.* Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. 1994 год. М., 1994. С. 54–64.

³ Выборка терминов осуществлена по словоуказателю О.В. Творогова с небольшими дополнениями. См.: *Творогов О.В.* Лексический состав «Повести временных лет» (словоуказатели и частотный словарь). Киев, 1984.

надлежат к исконной общеславянской лексике, однако обнаруживают существенные различия в происхождении, семантике и употреблении.

Термин *востокъ, встокъ* (ср. «восходить, подниматься», польск. *wschód*)⁴ в древнерусском языке употреблялся в значениях «восход (небесных светил, прежде всего солнца)»; «восток» как страна света; «страны, расположенные в восточном направлении»⁵. Значение слова *западъ* (ср. «западать, опускаться») в целом соответствовало значениям слова *востокъ*: «заход, закат (небесных светил, прежде всего солнца)»; «запад» как страна света; «страны, расположенные в западном направлении» = Западная Европа; в XVII в. появляется значение «ветер с запада»⁷. Термины *востокъ/западъ* составляют антонимическую бинарную оппозицию: они образованы по одной словообразовательной модели, имеют однотипные семантические поля с противоположной ориентационной направленностью и общее происхождение, восходя к обозначениям движения солнца по небосклону. В них отражена изначальная связь системы ориентации с солярными представлениями⁸.

Аналогичную бинарную пару составляют термины *полуночь* «север» и *полудень* «юг». Они также имеют одинаковую морфологическую структуру и близкие семантические поля с противоположной ориентацией, что указывает на общность их происхождения. Вместе с тем, в них отчетливо выражен темпоральный аспект. Первым и наиболее распространенным значением этих слов является «середина ночи, полночь» и «середина дня, полдень»⁹. Объединение темпорального и пространственного значений в одном термине восходит к глубокой архаике и отражает способ ориентации пространства (и определения времени) по движению солнца¹⁰:

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. I. С. 357.

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 60–61. Приводимое М. Фасмером значение слова *востокъ* «восточный ветер» фиксируется в северных диалектах (архангельском, олонецком) и очевидным образом является более поздним и специальным развитием его семантики. Последнее значение («страны, расположенные в восточном направлении») требует существенного уточнения, о чем речь пойдет ниже.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь. М. 1967. Т. II. С. 78.

⁷ Словарь русского языка. М., 1978. Вып. 5. С. 255.

⁸ Подосинов А.В. *Ex oriente lux!* С. 369–371. Аналогично значение латинских терминов *oriens* и *occidens*.

⁹ Словарь русского языка. М., 1990. Вып. 16. С. 264, 270; Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. Стб. 1138, 1140.

¹⁰ Подосинов А.В. *Ex oriente lux!* С. 621–624.

в полдень оно находится в зените и указывает направление на юг (ср. греч. *μεσημβρία* и *μεσονύκτιον*, лат. *meridies* «полдень» и «юг»). Противоположное время суток — полночь — маркировало противоположное направление солнца (север). Таким образом, рассмотренные термины отражают архаическую солярную систему ориентации пространства. В ней, однако, в отличие от современной «компасной» системы ориентации, направления представляют собой не румб (как направление на компасе: N, S и т.д.), а сектор, ограниченный крайними точками восхода (заката) солнца в разное время года. Не случайно, уже в «Хождении» игумена Даниила (начало XII в.) присутствуют термины для обозначения разных положений солнца при восходе и, соответственно, промежуточных румбов: *зимний восток* и *лѣтний восток*¹¹, которые отмечали направление по точке восхода солнца зимой и летом и обозначали юго-восток и северо-восток соответственно.

Наряду с терминами *полуночь* и *полудень* вторая ориентационная ось представлена еще одной парой обозначений: «север» и «юг». Термин *сiверь* имеет общеславянские параллели: укр. *сiвер* «холод», болг. *север*, сербохорв. *сјѣвер*, чеш., словац. *sever*, родственно лит. *šiaurūs* «северный ветер», *šiaurė* «север», лат. *caurus* «северо-восточный ветер», которые позволили М. Фасмеру восстановить его значение как «северный ветер»¹². Однако, как и в случае с термином «восток», обозначение ветра словом «север», видимо, возникает достаточно поздно: случаев такого его словоупотребления в древнерусском языке не отмечено¹³. Вероятна связь слова с балто-слав. **seu-* «левый», что соответствует «индоевропейской солярной практике номинации севера левой стороной»¹⁴ и может служить указанием на изначальную связь термина с солярной системой ориентации, но в другой, нежели термины *восток*, *запад*, *полудень* и *полуночь* системе номинации — связанной не с движением солнца («гелиоцентрической», солярной), а с размещением в пространстве

¹¹ Хождение игумена Даниила // БЛДР. Т. 4. С. 26–117. См. об этих терминах: Максимов В.И. Названия сторон света в древнерусских «хождениях»: перевод и реальность // Вестник Общества исследователей Древней Руси. 2002–2003 годы. М., 2007. С. 310–322. Аналогичные термины имеются и в греческом языке.

¹² Фасмер М. Этимологический словарь. М. 1971. Т. III. С. 588–589.

¹³ Словарь русского языка. М., 1999. Вып. 24. С. 12–13; Срезневский И.И. Материалы. СПб., 1903. Т. III. Стб. 885–886.

¹⁴ Трубачев О.Н. // Фасмер М. Этимологический словарь. Т. III. С. 589. См. подробно: Подосинов А.В. Ex oriente lux! С. 371.

человека («антропоцентрической»). При обращении лицом к востоку (восходу солнца), север оказывается по левую руку.

Этимология термина *узь* (праслав. **jugъ*) «юг, южная сторона» не ясна, а его значение «южный ветер» восстанавливается, как и в предшествующих случаях, по более поздним узусам и славянским параллелям: болг. *юг*, сербохорв. *jŭg* «юг, южный ветер», слов. *jùg* «теплый ветер, юг»¹⁵.

Таким образом, древнерусская пространственно-ориентационная терминология, являясь общеславянской по происхождению, отражает совмещение двух ориентационных систем: гелиоцентрической и антропоцентрической, что в целом характерно для всего индоевропейского ареала. Однако вторая система слабо отражена в древнерусском языке: она представлена лишь одним термином, маркирующим ось север—юг и проявляющим малую продуктивность: в отличие от слов *полуночь* и *полудень*, которые образуют устойчивые словосочетания *полунощнии*, *польнощнии страны* и *полуденьные страны* с теми же значениями «север» и «юг», слова *сѣверь* и *узь* не имеют альтернативных вариантов (словосочетания «северные страны» или «южные страны» в ПВЛ отсутствуют). На значительно большую распространенность гелиоцентрической системы ориентации указывает и частотность терминов (см. Таблицу 1): если слово *узь* и *полудень* и производные от него — встречаются в ПВЛ по 4 раза, то слово *сѣверь* использовано 4 раза, тогда как *полунощье* и производные от него — 11 раз.

Особенно показательным для реконструкции системы ориентации пространства в Древней Руси контекстуальное распределение терминов в ПВЛ. В составе летописного повествования можно — с достаточной степенью условности — выделить несколько основных содержательных (и различных по происхождению) контекстов: исторический нарратив (повествования о произошедших событиях, составляющие основную часть текста); библейские парафразы, цитаты, аллюзии, примыкающие к ним рассуждения летописца и «церковные» сообщения (библейско-церковная тематика); документы (воспроизведение или пересказ); географические описания во вводной (недатированной) части ПВЛ. Ориентационные термины встречаются практически во всех перечисленных контекстах, за исключением документов.

¹⁵ Фасмер М. Этимологический словарь. М., 1973. Т. IV. С. 526; Срезневский И.И. Материалы. Т. III. Стб. 1141.

Таблица 1

страна света контекст	Юг		Север		Восток	Запад	Итого
	угь	полуденье	северь	полуночье			
1. Географический, «ученый»							
Введение		4		3	7	4	18
Описание Пути из варяг в греки	1			1	2		4
Перечень данников Руси				1			1
2. Церковно-библейский							
Библейские цитаты и аллюзии			1		7	2	10
Знаменья	1		2		2	2	7
Пространство церкви / монастыря	2		1				3
3. Нарративный							
Повествование				6	2		8
Итого	4	4	4	11	20	8	51

В целом, случаи обозначения стран света в ПВЛ весьма немногочисленны: на всем протяжении текста их насчитывается всего 51, из которых почти половина — 23 встречается в «географическом» контексте: 18 — в этногеографическом введении, 4 — в описании Пути из варяг в греки и одно — в перечислении народов-данников Руси, восходящем к введению.

Особенно насыщены пространственно-ориентационной терминологией, что вполне естественно, географические описания. Летописец целенаправленно сохраняет (или вводит) обозначения стран света в заимствованных из греческих источников описаниях границ «уделов» сыновей Ноя, предпочитая эти обозначения другим географическим ориентирам, которые существенно сокращает. Это предпочтение И.В. Ведюшкина, как представляется справедливо, объясняет стремлением составителя ПВЛ «соединить библейские

персонажи с восточноевропейскими реалиями через такой “вневременной” и политически (и этнически) нейтральный параметр, как название сторон горизонта»¹⁶.

Географические разделы ПВЛ — этногеографическое введение и описание Пути из варяг в греки — неоднородны по своему происхождению и составу. Описание Земли (точнее ойкумены) было традиционным введением к средневековым историографическим сочинениям. Для раннесредневековых хронистов, основателей национальных историографий и создателей первых сочинений, посвященных локальной истории, так называемых «варварских историй»¹⁷, или «раннеисторических описаний»¹⁸, географическое введение несло чрезвычайно важную смысловую нагрузку: оно позволяло определить место собственного народа в пространстве и соотносить его с христианским миром.

Географические введения, как и другие специализированные географические сочинения раннего средневековья, принадлежали к двум основным типам. Наиболее распространенный представлял собой хорографию, т.е. страноведческое описание ойкумены, восходящее — в западноевропейской традиции — прямо или опосредованно к «Этимологиям» Исидора Севильского (ок. 570–636 гг.), но сложившееся еще в античной географической литературе (Страбон, Помпоний Мела, Плиний и др.)¹⁹. Западноевропейские хорографии состояли по преимуществу из перечней стран, народов, городов, рек и других географических объектов в каждой из третей ойкумены²⁰ и иногда дополнялись сведениями этнографического или исторического порядка.

Вторым было перечисление народов (или земель) по их происхождению от того или иного из трех сыновей Ноя и соответственно

¹⁶ Ведюшкина И.В. Названия сторон горизонта в этногеографическом введении Повести временных лет и его источники // ВЕДС. М., 1999. XI: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. С. 138.

¹⁷ Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon. Princeton, 1988.

¹⁸ Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. VI. С. 106–150.

¹⁹ Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М., 1998. С. 51–67.

²⁰ Согласно средневековым (унаследованным от античности) географическим представлениям, Земля (или ойкумена — в зависимости от признания или непризнания средневековыми географами теории четырех континентов) состояла из трех частей: Азии, Европы и Африки (Либии).

их размещению в Азии, Африке или Европе. Этот тип землеописания восходил к библейскому «перечню народов»²¹. Однако крайняя узость географического кругозора составителей ветхозаветных книг заставила уже первых христианских авторов, использовавших перечень, расширять его наименованиями известных им народов. В результате средневековые «перечни народов» включали наименования «потомков» Сима, которые заселили Азию, Хама, которые обитали в Африке, и Иафета, которые проживали в Европе. Чрезвычайная популярность «перечней народов» в средневековье была обусловлена тем, что легенда наглядно демонстрировала и обосновывала одну из важнейших догм христианского вероучения — генетическое родство всего человечества, благодаря общему предку Адаму через Ноя и его сыновей. С помощью этой легенды новообращенные народы вводились в христианский мир и находили свое место в мировой истории и мировом пространстве.

В западноевропейской традиции «перечни народов», как и хорографии, основывались на труде Исидора, который в свою очередь использовал переработку библейского текста в «Книге вопрошаний» Иеронима Стридонского (ок. 348–420 гг.). Список народов был существенно дополнен уже Иеронимом и в дальнейшем подвергался изменениям: как правило, включению новых народов в соответствии с познаниями и интересами автора. Так, например, в древнескандинавском трактате «О заселении Земли сыновьями Ноя», сохранившемся в двух редакциях в большом количестве списков, среди Иафетидов перечислены и скандинавские народы: даны, норвежцы, свеи, гауты²².

В византийской литературе сложилось две традиции перечней²³. Первая восходила к труду Евсевия Кесарийского, где последовательно перечислялись народы, произошедшие от одного из сыновей Ноя и проживающие в соответствующей трети ойкумены. К этой традиции принадлежит перечень народов в «Хронике» Иоан-

²¹ Быт. 9:18–10:32. См.: *Simons J.* The 'Table of Nations' (Gen.10): Its General Structure and Meaning // *Ondtestamentische Studien*, 1954. Bd. 10. S. 155–184; см. также: *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 130–131.

²² *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 133–139.

²³ *Gutschmid A.* Untersuchungen über den Διαγερισμος γῆς und andere Bearbeitungen der Mosäischen Völkertafel // *Gutschmid A.* Kleine Schriften / Hrsg. von F. Rühl. Leipzig, 1894. Bd. V. S. 585–717; *Борцова (Ведюшкина) И.В.* Легендарная традиция о разделении земли в византийских источниках Повести временных лет // *Кавказ и Византия*. Ереван, 1988. Вып. 6. С. 53–60.

на Малалы. Иная традиция, приближающаяся к хорографиям, вела истоки от труда Ипполита Римского²⁴: перечни в ней были подчинены тематическому принципу и не ограничивались только народами (странами); в них могли включаться списки островов, относящихся к данной трети, рек, протекающих в ней и т.п. Таков был перечень в «Хронике» Георгия Амартола.

Предваряя свой труд описанием мира, русский летописец следовал этой широко распространенной традиции. Он использовал легенду о разделении Земли между сыновьями Ноя и с ее помощью включил народы Восточной, Северной и Западной Европы в пространство христианского мира, а также декларировал их генетическое родство с другими христианскими народами — в качестве потомков Иафета.

А.А. Шахматов предположил, что при написании этногеографического введения²⁵ летописец опирался на рассказы о разделении Земли между сыновьями Ноя в «Хронике» Георгия Амартола²⁶, откуда он заимствовал перечни земель в каждой из третей, и в «Хронике» Иоанна Малалы (последнюю он предположительно использовал через Хронограф по великому изложению, составленный в конце XI в.)²⁷, откуда он почерпнул описания границ «уделов» Но-

²⁴ Hupolytus. Werke / Hrsg. A. Bauer. Berlin, 1955. Bd. 4. Die Chronik. § 47–49. Перевод соответствующего фрагмента см.: *Ведюшкина И.В.* Фрагмент о разделении земли сыновьями Ноя в «Хронике» Ипполита Римского (перевод) // ВЕДС. Спорные проблемы истории. М., 1993. С. 92–100.

²⁵ В последние годы интенсивно обсуждается вопрос о времени составления введения, отнесенного А.А. Шахматовым к первой редакции ПВЛ, т.е. 1113 г. (*Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 384–395; см. также: *Алешковский М.Х.* Первая редакция Повести временных лет // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969. С. 13–40). См.: *Гунтуис А.А.* К соотношению начальных пассажей «Повести временных лет» и «Новгородской первой летописи» // ВЕДС. М., 2005. XVII: Проблемы источниковедения. Ч. I. С. 57–60; *Петрухин В.Я.* К ранней истории русского летописания: о предисловии к Начальному своду // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 354–363. При всей важности вопроса о датировке введения, однако, для темы данной статьи он существенного значения не имеет.

²⁶ *Georgii Monachi* Chronicon / Ed. C. de Boor. Ed. anni 1904 correctionem curavit P. Wirth. München, 1978. S. 55–56; *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Л., 1927. Т. I. Текст. С. 58–59.

²⁷ *Ioannis Malalae* Chronographia. I.6 / Rec. I. Thurn. Verolini, 2000; *Истрин В.М.* Первая книга Хроники Иоанна Малалы // Зап. имп. Академии наук. Сер. VIII. Историко-филологическое отд. СПб., 1897. Т. 1. № 3. С. 11; *Он же.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Репр. изд. материалов В.М. Истрина / Подг. изд., вступ. ст. и прил. М.И.Чернышевой. М., 1994. С. 23–24.

акидов, дополнив их описанием европейской трети Земли («части» Иафета) собственными сведениями о народах Восточной Европы и Балтийского региона²⁸. Однако прямое использование составителем введения текста (греческого или славянского) Иоанна Малалы поставлено под сомнение И.В. Ведюшкиной, которая показала, что одинаковые чтения в описаниях границ «уделов» сыновей Ноя в действительности отсутствуют. «Для описания общих границ наследственных частей Хама и Иафета (тот же вывод ранее касался и описания границ Симовой части. — *Е.М.*) Малала мог быть в лучшем случае источником информации — текстологических совпадений нет»²⁹. Источник этих характеристик не обнаружен, и это, вероятно, указывает на активную роль самого летописца, осмыслявшего и подчас радикально перерабатывавшего свои источники³⁰.

Помещение этногенетической легенды в начало сочинения было необычно для византийской историографии³¹. У Амартола и Малалы, как, видимо, и в Хронографе³², рассказ о сыновьях Ноя занимал соответствующее хронологии библейской истории положение, т.е. после повествования о потопе. Вынесение его в начало сочинения принадлежало, очевидно, составителю ПВЛ и отражало то чрезвычайное значение, которое он придавал этому тексту.

Открывая описанием Земли сочинение, которое должно было дать ответ на вопрос «откуда есть пошла Русская земля», летописец с его помощью определял место Руси в мире и показывал ее пространственное соотношение с другими странами. Одновременно, включая славян, русь и другие народы Восточной Европы, многие из которых еще сохраняли язычество, в перечень Иафетидов, он доказывал их родство с другими, христианскими, народами и их, если

²⁸ *Шахматов А.А.* Разыскания. С. 394–395; *Он же.* Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 42–44, 72–74.

²⁹ *Ведюшкина И.В.* Названия сторон горизонта. С. 137.

³⁰ Значительную свободу в передаче пространственно-ориентационных терминов обнаруживает и древнерусский переводчик «Хроники» Георгия Амартола, который зачастую изменяет термины (особенно часто греч. βορρᾱ «север» на «восток»), «руководствуясь своим опытом и здравым смыслом для того, чтобы адаптировать переводимый текст к своей точке отсчета»: *Ведюшкина И.В.* Лексические эквиваленты греческих названий сторон горизонта в древнерусском переводе хроники Георгия Амартола // Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3. С. 105.

³¹ Равным образом и в западноевропейских исторических сочинениях открывающее их землеописание, как правило, принадлежало к типу хорографий, причем во многих случаях описывался лишь рассматриваемый в хронике регион.

³² *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 49–50, 274.

не фактическую, то потенциальную принадлежность христианскому миру, их сопричастность мировой истории³³.

Совмещение «географической» и «исторической» задач определило своеобразие композиции землеописания в ПВЛ. В «Хронике» Георгия Амартола изложение подчинялось тематическому принципу: в одном разделе перечислялись границы каждой из третей, в следующем — приводились перечни находящихся в них стран и т.д.³⁴ Летописец избрал менее жесткую композиционную структуру аналогичного повествования у Иоанна Малалы, где описание каждой из третей представляло самостоятельное и законченное целое³⁵.

Согласно А.А. Шахматову (с уточнением И.В. Ведюшкиной), к сочинению Иоанна Малалы восходят общие характеристики третей, списки же стран и народов Азии, Африки и Юго-Восточной Европы принадлежат Георгию Амартолу³⁶:

«Афету же яшася полунощныя страны и западныя: *Мидия, Альванья, Арменья Малая и Великая, Кападокия, Фефлагони, Галатъ, Кольхисъ, Воспориси, Меоти, Дереви, Сармати, Тавриани, Скуфия, Фраци, Макидонья, Далматия, Малоси, Фесалья, Локрия, Пеления, яже и Полопонисъ наречеся, Аркадь, Япиронья, Илюрикъ, Словѣне, Лухитиа, Анъдриокія, Ондрѣятинская пучина. Имаъ же и острова: Вротанию, Сикилию, Явию, Родона, Хиона, Лѣзовона, Кофирана, Закунфа, Кефалинья, Ифакину, Керькуру, часть Асийскыя страны, нарицаемую Онию, и рѣку Тигру, текущую межю Миды и Вавилономъ; до Понетского моря, на полнощныя страны, Дунай, Дынгѣстръ и Кавкаисинския горы, рекше Угорьски, и оттудѣ доже и до Днѣпра, и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Вольга, яже идетъ на востокъ, в часть Симову. В Афетовѣ же части сѣдять русь, чюдъ и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочская чюдъ, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимѣгола, корсь, лѣтьгола, любь. Ляхове же, и пруси, чюдъ пресѣдять к морю Варяжьскому. По сему же морю сѣдять варязи сѣмо ко вьстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ за-*

³³ Ту же цель преследовал и приводимый позднее рассказ о путешествии апостола Андрея.

³⁴ Борцова (Ведюшкина) И.В. Легендарная традиция. С. 53–60.

³⁵ Ведюшкина И.В. Легендарные экскурсии о разделении земли в древнерусской литературе // ДГ. 1987 г. М., 1989. С. 178–185; Она же. Этногеографическое введение Повести временных лет: особенности композиции // ВЕДС. Спорные проблемы истории. М., 1993. С. 12–14.

³⁶ Курсивом обозначен текст, соответствующий тексту Георгия Амартола, полужирным — текст, принадлежащий составителю введения. Подчеркнуты обозначения стран света.

паду до землѣ Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колѣно: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волхва, римляне, нѣмци, корлязи, веньдици, фрягове и прочие, ти же присѣдять от запада къ полуденю и съсѣдяться съ племянемъ Хамовымъ³⁷.

У Амартола и Малалы, как и у всех европейских средневековых географов, Восточно- и Североевропейские (а также Западно- и Центральноевропейские) регионы не включались в описания Европы — они были просто не известны им. Самые общие характеристики этих регионов появляются лишь с XIII в.³⁸ Для древнерусских же летописцев — это хорошо знакомая область мира, известная в мельчайших деталях. Однако пополнение хорографии в данном случае предполагало не простое включение в нее нескольких новых наименований³⁹. Оно влекло за собой введение в картину ойкумены двух новых крупных регионов, которые требовалось «вписать» в византийскую географическую модель мира, соотнести их с другими частями ойкумены, а затем уже наполнить конкретными реалиями. Если в изложении модели мира в целом летописец мог следовать — и следовал — известным образцам, то в описании новых регионов он мог опираться только на свои собственные знания и представления и, соответственно, использовать собственную, присущую древнерусскому языку терминологию.

Если этногеографическое введение в большей своей части зависит от византийских образцов, то второй «географический» текст — описание Пути из варяг в греки — полностью самостоятелен и не имеет опоры в византийских источниках.

«...бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вѣтчеть в озеро великое Нево, и того озера видеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царя-

³⁷ ПСРЛ. М., 1926. Т. I. Стб. 3–4; ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 3–4; *Шахматов А.А.* Повесть временных лет и ее источники. С. 42–43, 73.

³⁸ *Чекин Л.С.* Территория СССР в западноевропейских описаниях Земли XII–XIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. Исключение составляет описание «Германии» (Центральноевропейского региона) в хорографическом разделе англосаксонского перевода книги Павла Орозия «История против язычников», выполненного по заказу короля Уэссекса Альфреда Великого (*The Old English Orosius* / Ed. J. Bately. Oxford, 1980).

³⁹ Как, например, дополнение названиями скандинавских народов «перечня народов» в исландской географической литературе.

города прити в Понть море, в не же втечет Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече из Оковьскаго лѣса, и потечеть на польднѣ, а Двина ис того же лѣса потечет, а идеть на полунощѣ и внидеть в море Варяжское. Ис того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и втечетъ семьюдесять жерель в море Хвалиское. Тѣмже и из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на вѣстокъ дойти въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днѣпръ втечетъ в Понетьское море жереломъ, еже море словеть Русское...»⁴⁰.

При том, что почти половина случаев употребления пространственно-ориентационных терминов приходится на географические описания (23), для обозначения направления север–юг в них использованы только «темпоральные» термины *полудень* (*полуденные страны*) и *полунощѣ* (*полунощные страны*). Они употребляются для обозначения как собственно направления («...рѣку Тигру, текущую межю Миды и Вавилономъ; до Понетьскаго моря, **на полнощныя страны...**», «...ти же присѣдять от запада **къ полуденю...**» и др.), так и для характеристики соответствующей части ойкумены («Хамови же яся **полуденная страна...**», «Афету же яшася **полунощныя страны и западныя...**»). Наиболее частотным является термин *востокъ*, что в географическом контексте обусловлено не библейско-церковной символикой востока как местонахождениярая (см. ниже), а отражает пространственные представления летописца.

Вторым по количеству употреблений пространственно-ориентационных терминов контекстом является церковно-библейский (20). В составе библейских цитат или аллюзий на библейские тексты страны света называются 10 раз. Так, в «Речи философа» в изложении библейской истории указывается, что «насади бог рай на **въстоце** в Едеме...»⁴¹, что «се вольсви придоша **с вѣстока**», объясняя свой приход тем, что «видехом бо звезду его **на вѣстоце...**»⁴². Цитируются слова Малахии: «...Понеже от **вѣстока** и до запада имя мое прославися в языцех...»⁴³ и др. В семи случаях страна света упоминается в рассказе о знамениях, например: «В то же лето бысть знамение на небеси... акы пожарная зря от **вѣстока** и **уга** и **запада** и **сѣвера**, и бысть тако свет всю ночь, акы от луны полны светящееся»⁴⁴. Наконец, три раза юг и север упоминаются

⁴⁰ ПСРЛ. М., 1926. Т. I. Стб. 7; ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 6.

⁴¹ ПВЛ. С. 41.

⁴² Там же. С. 47.

⁴³ Там же. С. 45.

⁴⁴ Там же. С. 117.

при определении местоположения гробницы или дверей в церкви. Так, при нападении хана Боняка на Печерский монастырь была подожжена церковь Богородицы: «и придоша к церкви, и зажгоша двери, яже к угу устроении, и вторья же к сѣверу, и влезшее в притвор у гроба Феодосьева...»⁴⁵. Евпраксия Всеволодовна «положена бысть в Печерском манастыре у дверей, яже ко угу»⁴⁶.

В этом контексте наиболее частотным термином также является *востокъ*, однако в большинстве случаев его употребление связано с его маркированным положением в христианском сакральном пространстве. Символическое значение востока проявляется прежде всего в библейских цитатах и аллюзиях (как в «Речи философа»).

Обращает на себя внимание тот факт, что термины *полуденье* и *полунощье* и производные от них в церковно-библейском контексте не встречаются, за исключением двух случаев в рассказе Гюраты Роговича о поездке к югре. Он отождествляет жителей дальнего севера с нечистыми народами, которых Александр Македонский изгнал «на **полунощныя страны** в горы высокия», но в «последние дни... изидуть и си скверни языки, иже суть в **горах полунощных**, по повелению божию»⁴⁷. Сведения о «нечистых народах» Гог и Магог, заключенных Александром Македонским за железной стеной, но освободившихся в конце мира, — широко распространенная в средневековой литературе эсхатологическая легенда⁴⁸, аллюзия на которую в летописи восходит к «Откровению» Мефодия Патарского⁴⁹. Однако этот текст является не прямой цитатой, а переложением сути легенды, включенным в «бытовое» описание северных народов, в котором термин *полунощный* употреблено дважды: «...Югра же людье есть язык нѣм, и сосѣдять с Самоядью на **полунощных странах**. Югра же рекоша отроку моему... “путь до гор тѣх непроходим пропастьми, снѣгом и лѣсом, тѣм же не доходим их всегда;

⁴⁵ ПВЛ. С. 97.

⁴⁶ Там же. С. 120.

⁴⁷ Там же. С. 108. О локализации «нечистых народов» и их «перемещении» на север см.: Карпов А.Ю. «Заклепанные человеки» в летописной статье 1096 г. // Очерки феодальной России. М., 1999. Вып. 3. С. 3–24.

⁴⁸ Anderson A.R. Alexander's Gate, Gog and Magog and the Inclosed Nations. Camb. (Mass.), 1932; Чекин Л.С. Безбожные сыны Измаиловы // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. Древняя Русь. С. 691–716.

⁴⁹ См.: Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифическое видение Даниила в византийской и славянорусской литературах. М., 1897. С. 142–143. См.: Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. М., 1997.

есть же и подаль **на полунощи**»⁵⁰. Поэтому оба эти случая по существу не относятся к церковно-библейскому контексту и могут рассматриваться в составе нарративов.

В повествовательной части ПВЛ наименования стран света встречаются значительно реже — всего восемь раз, включая два употребления в рассказе Гюряты Роговича. Крайне ограничено и количество самих терминов — на всем протяжении ПВЛ упоминаются только *полунощье* (6 раз) и *востокъ* (2 раза). Во всех случаях пространственно-ориентационные термины обозначают направления по странам света относительно какого-либо объекта: в «Корсунской легенде» Настас Корсунянин объясняет, где находятся колодцы, которые надо перекрыть Владимиру, чтобы овладеть Корсунью («Кладязи, яже суть за тобою от **въстока**, ис того вода идетъ по трубе») ⁵¹, в рассказе о походе Игоря 941 г. («Потом же пришедшемъ воем от въстока, Памфир деместик с 40-ми тысящъ...») ⁵², в сообщении о налете саранчи, которая перемещалась «к полунощным странамъ» ⁵³, в рассказе Гюряты Роговича (дважды) ⁵⁴ и в рассказе ладожан о «полунощных странах» ⁵⁵.

Таким образом, анализ пространственно-ориентационной терминологии в ПВЛ выявляет контекстуально обусловленное и крайне неравномерное ее использование. Во-первых, хотя все обозначения стран света принадлежат к общеславянской лексике, термины *угь* — *сѣверь* и *полудень* — *полунощье* строго связаны с определенными контекстами: первые встречаются только в текстах церковно-библейского содержания, вторые — в географических описаниях и нарративе. Это распределение свидетельствует о том, что в обыденной практике нормой было использование «темпорально-пространственных» (*полудень* — *полунощье*) и пространственных (*востокъ* — *западъ*) архаических обозначений, связанных с солярной системой ориентации.

Во-вторых, редкость использования пространственно-ориентационной терминологии в нарративной части ПВЛ говорит о слабом распространении практики ориентации по странам света. Эта система ориентации пространства была известна на Руси, и не

⁵⁰ ПВЛ. С. 107.

⁵¹ Там же. С. 49–50.

⁵² Там же. С. 22.

⁵³ Там же. С. 96.

⁵⁴ Там же. С. 107.

⁵⁵ Там же. С. 126–127.

только ученым монахам-летописцам — достаточно вспомнить рассказ Гюряты Роговича или «Корсунскую легенду». Вместе с тем, определение направления или местонахождения в терминах стран света находило практическое применение крайне редко. Не случайно, мы не находим ни одного случая употребления терминов стран света при описании передвижения из одного места в другое. Говоря о походе князя, поездке в какой-либо город или из него и т.п., летописец указывает не направление, а конечную цель движения: «Иде Игорь на древляны...», Святослав «иде на Оку реку и на Волгу», Святополк «бежа в ляхы», а Ярослав «иде в Киев» и затем «поиде противу Болеславу и Святополку», «поиде Володимеръ в лодях, и придоша в Дунай, и поидоша к Цесарюграду». Особенно показательно описание «трудов» Владимира Мономаха в его Поучении, где путь обозначается лишь конечным пунктом похода, иногда указывается промежуточный пункт (или область) и никогда — направление: «первое к Ростову идохъ, сквозь вятиче, посла мя отецъ, а сам иде Курьску; и паки 2-е к Смоленску со Ставкомъ с Гордятичемъ, той паки и отъиде к Берестию со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю...»⁵⁶. Также и при характеристике местоположения города, селения, расположения войск и т.п. отмечаются конкретные приметы (на другой стороне реки, у леса), но не пространственное соотношение объектов.

Для сравнения отмечу, что, например, для средневекового скандинава не было более обычного способа определить направление движения или местоположение объекта в пространстве, нежели указать на соответствующую страну света. Эта особенность восприятия пространства — ориентированного по странам света — явственно проступает в регулярном употреблении соответствующих терминов: например, из 120 рунических надписей, упоминающих поездки в Восточную и Южную Европу, термин «восток» (*austr*) и производные от него содержатся в 45 (более трети). Направление по странам света постоянно указывается, наряду с конечным пунктом поездки, и в исландских сагах: персонаж может ехать «на юг в Вик», «на север к Боргу», «на восток к Гаутаэльв» и т.д. В сознании средневекового скандинава пространство не только ориентировано, но и разделено на регионы (четверти), соответствующие странам света (другой вопрос, что принципы отнесения

⁵⁶ ПВЛ. С. 102.

территории к одной из стран света отличались от современных)⁵⁷. Ориентация по странам света лежит и в основе различения частей одного племени, расселившегося на обширной территории, и самих племенных территорий («южные даны», «восточные англ», «западные саксы»: ср. Уэссекс в Англии; фюльки Южный и Северный Мёр, Эйстридалир — «Восточные долины» в Норвегии и т.д.).

Очевидно, что для древнерусского летописца термины стран света, равно как и сам этот принцип ориентации пространства, являлись частью «ученого», церковного по своей сути знания, а не естественным способом восприятия и описания пространства в повседневной жизни. Наиболее активно ориентация по странам света используется летописцем в географических описаниях, в тексте которых примерно более или менее равномерно распределены все пространственно-ориентационные термины (выделяется своей частотностью только *востокъ*). В нарративной же части летописи единственным маркированным направлением в пространственных представлениях автора ПВЛ является север — *полунощье*. Это — второй из терминов по совокупной частотности: он встречен 11 раз (чаще встречается только термин *востокъ* — 20 раз) и максимально частотный в нарративах (6 раз, *востокъ* — 2 раза). Особое значение севера для древнерусского летописца (а вероятно, и вообще для древнерусской системы ориентации) проистекало, возможно, и из природных условий, и из важности северных областей в колонизационных процессах XI–XIII вв.

В практической же деятельности, как указывают способы описаний в ПВЛ Восточной Европы и перемещений в пространстве (ср. также характеристику местоположения восточнославянских племен — на реках), использовалась совершенно иная организация пространства. В этногеографическом введении к ПВЛ статичный принцип перечисления стран у Георгия Амартола летописец заменяет динамичным, маршрутным. Перемещение в пространстве характеризуется не его направлением, а объектами, маркирующими путь. Главным элементом, структурирующим пространство (по крайней мере, свое, известное, восточноевропейское), в сознании летописцев являются пути⁵⁸. Этот вывод подтверждается последую-

⁵⁷ Джаксон Т.Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. 1994 год. М., 1994. С. 54–64.

⁵⁸ Мельникова Е.А. Пути и народы: К характеристике ментальной карты составителя «Повести временных лет» // Чернигів в середньвіччій і ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернигів, 2008. С. 68–77.

щими, примыкающими к этногеографическому введению разделами недатированной части ПВЛ: описанием путешествия апостола Андрея, которое приобретает (возможно, помимо воли летописца, для которого первоочередную важность в этом повествовании представлял отнюдь не маршрут апостола) характер итинерария, и описанием Восточной Европы как пути «из грек в варяги». Путевой (маршрутный) принцип лежит и в основе упоминаний о поездках персонажей в нарративной части ПВЛ.

Таким образом, представляется, что для составителя ПВЛ пространство организовывалось в двух различных системах координат. В одной, совпадавшей с христианской, византийской, — ориентирами служили страны света. Другая система организации пространства опиралась на сложившуюся еще в VIII–IX вв. сеть коммуникаций в Восточной Европе и отражала их первостепенную роль в славянской колонизации Восточной Европы, сложении и функционировании Древнерусского государства.

* * *

Пространственная ориентация по странам света, таким образом, лежит в основе географических разделов ПВЛ, в первую очередь, этногеографического введения о разделении Земли между сыновьями Ноя. Однако и в этом тексте, и в описании Пути из варяг в греки, встречаются «странные» на первый взгляд и противоречащие современной строгой «компасной» ориентации определения. Так, согласно введению, Волга «идет на восток», варяги (скандинавы) «сѣдят ко вѣстоку» от Балтийского (Варяжского) моря, в описании Пути из варяг в греки Западная Двина «идет на полунощье» и т.д. Вряд ли можно объяснить эти «странности» ошибками или незнанием летописца. Они носят систематический характер, что указывает на некие особенности в определении стран света и ориентировании пространства летописцем. Для установления этих особенностей обратимся к описанию Европы в этногеографическом введении.

В соответствии с христианской географической традицией, составитель ПВЛ выделяет трети земли — «удель» Сима, Хама и Иафета, занимающие, соответственно «восточные», «полуденные» и «полунощныя страны и западныя» (соответствующие Азии, Африке и Европе западноевропейской географической тради-

ции)⁵⁹. В составе «Европы» летописец выделяет три региона. Каждый из них вводится зачином, в котором отмечается принадлежность региона к «части» Иафета: «Афету же яшася...», «В Афетовѣ части...», «Афетово бо и то колѣно...». Завершается описание указанием на его сопредельность с южной («полуденной», принадлежащей Хаму) третью земли.

К первому региону, в соответствии с Георгием Амартолом и Иоанном Малалой, летописец причисляет юго-восточные земли Европы от Кавказа и малоазийской Каппадокии вплоть до Балканского полуострова. Границей этого региона на севере он называет, вслед за Малалой, Черное («Понетское») море, хотя в перечень входящих в юго-восточный регион народов и стран включены сарматы, тавры, Скифия. Южные и восточные границы региона не упоминаются, так же как не дано и его определение по странам света, что, вероятно, объясняется его пограничным положением с восточной (Симовой) и южной (Хамовой) третями.

Второй регион, перечень рек которого предваряет его собственное описание⁶⁰, начинающееся словами «в Афетове же части...», определяется летописцем как северный — «полнощныя страны». Он простирается от Черного моря на север («на полнощныя страны»), доходит до Балтийского («Варяжского») моря и охватывает территорию от юго-восточного побережья Балтики «ко вѣстоку до предѣла Симова».

Третий регион, характеристика которого вводится словами «Афетово бо и то колѣно», определяется как западный. Он идет через Варяжское море на запад и юг вплоть до Средиземного моря, где граничит с «племянемъ хамовым».

Выделение отдельных последовательно описываемых регионов внутри третьей ойкумены было обычным приемом для географической литературы средневековья. Однако отнесение каждого из регионов к той или иной стране света (северу, югу и т.д.), как и наполнение его набором стран и народов в значительной степени зависело от географических представлений и познаний автора.

⁵⁹ Эти наименования третьей ойкумены в ПВЛ отсутствуют, как отсутствуют они и в соответствующем месте славянского перевода Георгия Амартола (*Истрин В.М.* Книги временныя и образныя. С. 58–59). Вопрос о соотношении представлений о третях ойкумены в западноевропейской и древнерусской (восходящей к византийской) географии требует отдельного обсуждения, на что справедливо указал Л.С. Чекин.

⁶⁰ О значении этого перечня см.: *Мельникова Е.А.* Пути и народы. С. 70.

Первый, в современной терминологии юго-восточный регион европейской трети характеризуется во введении списком стран, заимствованным из Амартола. Единственными дополнениями к нему летописца являются этноним «словѣне», помещенный в ряду стран, расположенных на Балканском полуострове после Иллирика, и гидроним «Дньѣстръ»⁶¹. Второй и третий содержат перечни народов, отражающие собственные знания древнерусского историописателя.

Указание на то, чем руководствуется летописец при отнесении того или иного географического объекта к одной из стран света, равно как и при определении направления, можно усмотреть в пояснении термина «на восток» добавлением «в часть Симову», «до предѣла Симова». Упоминание направления «на север» содержит отсылку к «морю Варяжьскому». Показательно, что в этих случаях указанные направления не соответствуют реальным, компасным. Так, «на востокъ в часть Симову» течет Волга⁶², варяги обитают от Варяжского моря «ко вѣстоку до предѣла Симова», а в Варяжское море, «на полунощѣ», впадает Западная Двина. Эти случаи позволяют предположить, что пространственная ориентации составителя ПВЛ основывается не только на «естественной», солярной системе представлений, но и «корректируется» иными, содержательными соображениями. В византийской, унаследованной летописцем, как и в западноевропейской картине земли восток — это, прежде всего, восточная треть мира, «часть Симова». Однако Азиатская треть средневековых (как и античных) географов существенно отличалась от современной Азии. Границей, отделяющей ее от Европы, считался Дон (Танаис), иногда Волга⁶³. Вся сибирская часть (территории к северу от Великого Шелкового пути, проходившего через Среднюю Азию) была абсолютно неизвестна европейским ученым, которые располагали здесь северный участок мирового океана. В христианской географии азиатская треть, принадлежащая потомкам Сима, — это также лишь южная часть Азии от Малой Азии до Индии (иногда Китая). В этногеографическом введении владения

⁶¹ Вставка «словѣне» вытекала из исторических представлений летописца, согласно которым славяне первоначально жили в Подунавье. Ср. то же под 898 г.: ПВЛ. С. 15.

⁶² Повторяется в этногеографическом введении и в описании Пути из варяг в греки.

⁶³ *Джаскон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.* «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 70–100.

Сима простираются «от востока и до полуденья», т.е. южной трети. Крайней восточной частью этой трети названа Индия, крайней западной, смыкающейся с «полуденной» третью, — Финикия.

Направление «к востоку» в тех частях текста ПВЛ, где представлена «теоретическая» модель мира, означает отнюдь не реальный восток, а «удел Симов» — в действительности юго-восток или даже юг⁶⁴. Поэтому, стремясь дать систематическое («ученое») описание земли, составитель ПВЛ обозначает как восточное любое направление, движение по которому завершается в «Симовой части», вне зависимости от его реального географического содержания. Впадая в Каспийское («Хвалиское») море, которое находится в восточной трети, Волга тем самым течет на «восток».

Территорию северного региона («полунощные страны») очерчивает, во-первых, список рек к северу от Черного моря и, во-вторых, перечень народов, населяющих центральную и северную части Восточной Европы. Это финно-угорские племена Северного Урала и Зауралья (югра), Верхнего Поволжья (меря, мурома, мордва), Подвинья (пермь и заволочская чудь), Приладожья (весь); прибалтийско-финские (чудь, ямь) и балтские народы (литва, земигола, курши, летигола, ливы, прусы) Восточной Прибалтики; западнославянское население Южной Балтики (ляхи). Область их расселения простирается от Волго-Окского междуречья до Южной Балтики. Наконец, в состав народов, населяющих северный регион, включены варяги. Скандинавские народы (свеи, урмане и гауты) названы и в западном регионе, что указывает на промежуточное, пограничное положение Балтийского моря и обитающих на его берегах скандинавов.

Таким образом, «полунощный», или северный регион в картине мира летописца состоит — в современной терминологии — из Восточной Европы (к северу от степей Северного Причерноморья, которые в средневековой географии обозначались античными терминами Таврия и Скифия и упомянуты в перечне стран юго-восточного региона), Восточной и Южной Балтики и Скандинавии.

Пределом северного региона, очевидно, служит Варяжское море. Именно поэтому течение Западной Двины определено как ориентированное на север. При этом Балтика не отделяется от Восточной Европы, и они воспринимаются как единый регион: в пред-

⁶⁴ Ср. соотнесение с «пределом Симовым» Каспия в описании Пути из варяг в греки (см.: *Петрухин В.Я.* Варяги и «предел Симов» // *Russian History*. 2005. Vol. 32. № 3–4. С. 453).

шествующей второму разделу фразе летописец определяет его как «польнощныя страны», аналогичным образом названы земли, которые населяют народы, «иже дань даютъ Руси» («живут в странах полунощных»)⁶⁵ и список которых практически идентичен списку восточноевропейских племен во введении.

Третий, западный регион располагается вдоль морского побережья Западной Европы: «от запада къ полуденю». На юге он традиционно граничит с Африкой («племенемъ хамовымъ»), в перечне представлены западноевропейские народы. Граница же его с северным регионом далеко не однозначна. Список населяющих западный регион народов открывается собирательным термином «варязи», за которым следуют конкретные наименования скандинавских народов «свеи, урмане, гъте». Названные и в северном, и в западном регионах, варяги образуют соединительное звено между ними, и летописец подчеркивает их пограничное положение: они живут «ко востоку до предѣла Симова» и «къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски».

Балтийское море в описании этих регионов занимает особое место. Оно является центром, организующим описание: оно трижды упомянуто в связи с локализацией племен и является своего рода точкой отсчета⁶⁶. Вместе с тем, указание на то, что варяги «сѣдять... ко востоку до предѣла Симова», дает основание предположить, что Балтийское море рассматривалось летописцем в неразрывной связи с его продолжением по рекам Восточной Европы. Именно единый водный путь, Путь из варяг в греки, игравший столь большую роль на ранних этапах формирования Древнерусского государства, мог лежать в основе объединения Восточной Европы и Балтики в единый регион⁶⁷.

Таким образом, пространственную ориентацию составителя ПВЛ обуславливают несколько факторов. Доминирующей является солярная система определения направлений по странам света, восходящая к глубокой древности, о чем свидетельствует исполь-

⁶⁵ ПВЛ. С. 10.

⁶⁶ Melnikova E. The Baltic on the Mental Map of the Old Russian Chronicle Writer // The Image of the Baltic: A thousand year's perspective. Visby, 2009 (в печати).

⁶⁷ Представление о протяженности Балтийского моря на восток вплоть до Византии за счет речных путей Восточной Европы отражено в «Деяниях гамбургских архиепископов» Адама Бременского (1070-е гг.): *Adam Bremensis Chronicon Hammaburgensis ecclesiae pontificum*, IV, 15 / Rec. B. Schmeidler. 3. Aufl. Hannover; Leipzig, 1917.

зование пространственно-темпоральных терминов. Она отражается как в «ученой» картине мира, представленной летописцем в специальных географических разделах, так и в повествовательной части ПВЛ. Ее отчасти, только по оси север — юг, дополняет «антропоцентрическая» система ориентации, терминология которой (*северь / угь*) мало употребительна и встречается исключительно в церковно-библейском контексте. В «ученой» картине мира на систему ориентации существенное влияние оказывает христианская модель трехчастной ойкумены, вызывая отклонение, подчас существенное, обозначаемого направления по странам света от реального. В практической же деятельности, как показывает употребление пространственно-ориентационной терминологии в нарративной части ПВЛ, ориентация по странам света использовалась весьма ограниченно.